

Леонид Семенов

Собрание стихотворений

Леонид Дмитриевич Семенов

Собрание стихотворений

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2371025

Аннотация

«...При жизни Семенова была опубликована одна его книга «Собрание стихотворений» (СПб., 1905). В нее вошло 75 текстов. Она вышла в свет 100 лет тому назад и с тех пор не переиздавалась. Она в первую очередь и представляется сейчас, сто лет спустя, читателю. <...> Вслед за этим в разделе «Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» помещено 16 стихотворений и три лирических поэмы, в «Собрание стихотворений» не вошедшие. Здесь все вместе они представляются впервые...»

Содержание

Собрание стихотворений	6
Ожидания	7
Вера	7
Мелодия	8
Свеча	9
К Мессии	10
Молитва	12
Чудо	13
Жених	15
Эпиталама	16
В избе	17
В божнице	18
Видения	19
Стража первая	19
Стража вторая	20
Стража третья	22
Жертва	24
Глас к заутрени	25
Царевич	27
I	27
II	28
III	29
Повесть	31

* * *	31
Утро	32
I	32
II	32
Весной	34
В мае	35
* * *	36
* * *	37
Осень	38
I	38
II	38
Вечера	40
I	40
II	40
III	41
* * *	42
Шарманка	43
Сказка про белого бычка	44
Баллады	46
Он	46
* * *	47
Данте	48
Подражание	49
Черные кони	51
Девочка	52
В лесу	53

Козлик	55
Лебедь	56
* * *	57
В роще	59
Замок	61
Бунты	63
Князь Мира	63
Мудрость	65
* * *	67
I	68
II	69
III	70
Гимны огню	72
I	72
II	73
III	73
Гимн	74
Пляски	76
Созерцания	78
Ольха	78
Сонеты	80
I	80
II	81
III	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Леонид Дмитриевич Семенов Стихотворения

Собрание стихотворений

Софии

В темную ночь над памятью снов вдохновенных
песни раздались мои
стонами робко-звонкими.

В теплую ночь так цветы на могилах священных
тянутся в звездную высь
стеблями нежно-тонкими.

1902

Ожидания

Вера

Заря боролась со звездами,
тебя я ризою обвил,
осыпал пышными цветами
и кротко с тихими мольбами
земле родимой возвратил.

И над тобою преклоненный,
я долго плакал в тишине
и внял обет душой смущенной,
что ты подругой обновленной
однажды явишься ко мне.

С тех пор прошел я путь тяжелый,
скитался долго одинок
и, обходя чужие долы,
из терний, тихий и веселый,
для встречи новой сплел венок.

1903

Мелодия

На утренней звезде
у трав мы тихо вопрошали:
скажите, травы, где
пророк без гнева и печали?

Был день заветный недалёк,
мы певчих птиц спросили в роще:
скажите, где пророк,
пророк веселый, полный мощи?

Был солнца зной невыносим,
спросили мы у дев стыдливых,
не встретился ли им
пророк любви, пророк счастливых?

Но, шелестя у наших ног,
дремали травы без тревог,
но песни птиц не умолкали
и мы ответа не слышали.
Смеялись дочери земли;
они купаться к морю шли...

Свеча

Я пустынею робко бреду
и несу ей свечу восковую.
Ничего от пустыни не жду,
ни на что не ропщу, – не тоскую.

Тени жадно столпились кругом,
их пустыня мне шлет роковая.
Неповинен пред ней я ни в чем,
как невинна свеча восковая.

Кем, зачем мне она вручена?
Я не знаю, пред тайной робею...
Но не мною свеча зажжена,
и свечи загасить я не смею...

1903

К Мессии

Томительна глухая ночь,
но мирно теплятся лампы,
и духа, полного отрады,
забвению сна не превозмочь.

Мы ждем. Мы рано в храм пришли,
надели белые одежды
и в полночь — мира и надежды
достойно жертвы принесли.

Печать позорную греха
мы смыли чистыми слезами,
престол украсили цветами
и ждем с молитвой Жениха.

И мы дождемся: Он придет —
при звуках радостных цевницы
и с первым отблеском денницы
нам искупление принесет.

К Нему навстречу потечем
мы с громким гулом ликования
и со слезами упования
мольбу за спящих вознесем.

И будет тих – глубокий взгляд
святых очей Его над нами
и над склоненными главами
слова прощенья прозвучат.

Мы ждем. Молчит глухая ночь,
но ярче теплятся лампы,
и в сердце веянья отрады
забвению сна не превозмочь.

1901

Молитва

Я затеплил свечу и молюсь горячей,
и Кому я молюсь, — я не знаю.
И увидит ли Он жар молитвы моей,
и услышит ли зов, — я не знаю.

Но я видел в младенчески-ясных очах
отблеск тайны святой и прекрасной.
И я видел чело молодое в лучах,
озаренное думой прекрасной.

И правдивое слово сказать я боюсь;
отчего я боюсь, — я не знаю.
Но затеплив свечу, горячей я молюсь
и о ком я молюсь, — я не знаю.

1902

Чудо

Когда в полночь с башни монастыря
прольется в долины медленный и протяжный звон,
и месяц, поднявшись над лесом,
зальет своим матовым блеском
всю окрестность,
я выйду к тебе.

Я выйду осторожно, как ласковый ребенок,
и подойду к глубокому, спящему озеру.

Ты встанешь передо мной бескровная и белая как туман,
откинешь назад свои мягкие, как водоросли, волосы
и, обвив мне шею гибкими и прозрачными руками,
сама холодная, как вода,
прижмешься ко мне с долгим любовным поцелуем.
Ты будешь молить меня о чуде.

И чудо свершится:

я отдам тебе огонь и плоть,
волю в твои жилы свою красную кровь,
и счастливая, как рыбка ты мелькнешь,
и уйдешь от меня в далекие, вечные страны.

Утром скажет барышня в церкви
про инокa с белым лицом:
«Отчего он так бледен?»

А сама она – розовенькая, как заря
в своем белом платье и белой шляпке.

Жених

Когда зардевшись и робея,
ты переступишь мой порог, —
победой жизни пламенея,
нас примет радостно чертог.

Но все уйдут, умолкнут речи,
один останусь я с тобой.
Я загашу поспешно свечи
перед стыдливой наготой.

Запечатлею поцелуем
очей смущенных синеву;
желаньем дерзостным волнуем,
одежды брачные сорву.

Я заключу тебя в объятья,
и, целомудренно-чиста,
для вечной святости зачатья
твоя смирится красота.

Эпиталама

Распустила я косы волнистые,
я цветами постель убрала,
приготовила масти душистые,
восковые светильни зажгла.

Он придет ко мне с чарами пышными,
он прекрасен как дуб и могуч,
поцелуя дарами неслышными
так не жег меня солнечный луч!

Тени, тени уйдите смущенные,
я бесстыдна, смела и хмельна!
Прочь одежды пред ним благовонные!
Смелым тайна блаженства дана...

1903

В избе

Солнце, солнце, глянь в оконце!
Мы в гробу среди избы.
Мы рядились, мы молились,
ждали ангельской трубы.
Говорили: ангел встанет,
вот я – здесь, она – во мне.
Солнце встанет, к нам заглянет.
Мы очнемся. Мы – во сне.
Ангел ангельски вострубит
и пробудит ангел плоть.
Солнце плоть нам приголубит,
душу вдунет нам Господь.
Что случится? Кто восстанет?
Солнце глянет: Тишина.
Ангел скажет, не обманет:
дух един и плоть одна.
Было двое, стало трое,
будем трое мы одно.
Солнце, солнце золотое,
Глянь, родимое, в окно!

1904

В божнице

Заливается смехом царица,
сыплет кос ржано-кудрых руно.
Вся в огнях голубая божница,
отражает их в пене вино.

«О мой царь!» – «Что, царица? я слышу!»
«Занимается в небе заря».
«На царицу я золотом пышу.
Пей же кубок»... «До дна. За царя!»

Прозвенели два брошенных кубка,
разлился их серебряный звон.
«Что ты видишь, что слышишь, голубка?»
«О я вижу лазоревый сон!

Разрываются звездные сети
на заре тают в небе огни»...
Царь с царицей смеются как дети,
царь с царицей в божнице одни!

1904

Видения

Стража первая

Ее вели по темным залам,
бежали тени от огней.
Она, вся в белом с опахалом,
шла мимо нас под покрывалом,
подруги с нею в бледно-алом,
и мальчик в белом перед ней.

За ней мы шли и провожали
ее поклоном до земли.
Ее там женщины встречали,
над ней обряды совершали,
ковры ей розовые стлали,
к постели розовой вели.

И ждали мы у входа спальней
и ниц склонялись, не глядя...
Был мрак печальный безначальней;
но кто-то в нем от залы дальней
незримо шел к опочивальне
и тихо веял, проходя.

Стража вторая

Царя подъяли на щиты.
Кругом воздвигли копыя лесом.
Как мрамор – царския черты
под звездоочитым навесом.

Царя несут. Блестит парча.
Теснее в ряд дружина стала.
В руке у каждого свеча.
На взоры спущены забрала.

Идут. Поют. «Царю поем.
Восстань, восстань на брань и суд!
Мы все здесь, верные, кругом.
Ты слышишь? верные зовут!»

Но царь не слышит; на щитах
он также ровен, лик без крови.
Чело в венце и меч в руках,
недвижны стиснутые брови.

«О тише, верные, он спит.
Сомкнуло время бездну с бездной,
и хаос мирно ворожит
над царским прахом пылью звездной.

Но час настанет, встанет царь
и совершит свой суд любовный.
Воссядет отрок на алтарь
для жертвы новой и бескровной»...

Стража третья

В высоком зале, темном, длинном
на страже мы у алтаря.

С поклоном долгим, строгим, чинным
мы целовали прах царя.

Мы ждем молений. Час наступит:
откроем царские врата.
В молитве каждый взор потупит,
сомкнет неверные уста.

Царица выйдет в багрянице,
к помосту черному пройдет.
К расшитой белой плащанице
челом измученным прильнет.

Нас обведет глубоким взглядом,
молитву верных сотворит.
Священно-медленным обрядом
царю расцветший жезл вручит.

Мы отойдем, закроем очи;
услышим трепет, шелест, шум...
Свершится тайна таинств ночи:
воскреснем новые без дум.

Жертва

Пойте! Несите, несите царя!
Верные благоговейте,
прах его кровью залейте!
В небе последняя гаснет заря.

Царь мой, усопший, любимый!
Жертвы моей не отринь!
Жертвой последней, любовью творимой,
явлена в небе мне вечная синь.

С мужем царице лишь место.
Мать подойди и меня распояшь!
Знаешь меня ты от чрева; – невестой
снова царю дочь родную отдашь.

Грудь обнажите мне! Отроки, сестры,
Песню воспойте! Не дрогнет рука.
Меч отточите и дайте мне острый!
Царь, мой любимый, мне жертва легка!

1905

Глас к заутрени

В одеждах ярких и пунцовых
иду я мимо темных братий.
О не для них, всегда суровых,
бездумность девственных объятий.

Вот жезл безлиственный Царицы
над ними свято вознесу,
Да будут старцев власяницы
как листья прошлые в лесу!

В божнице явно тепло свечи,
готовлю ткани и венки,
слагаю песни страшной Встречи
и забываю в песнях срок.

Придет полуночная Дева,
свершит завещанный обряд.
Уже для царственного сева
нам старцы ниву бороздят!

Премудрость, Жертва и Царица,
взгляни на труд у алтаря.
Твои – венки и багряница,
венчай к заутрени Царя!

Царевич

I

Лежу я в раке убиенный,
но жив дыханием Твоим;
над плотью чистой и нетленной
лампадный свет неугасим.

Мне хорошо: под тяжким платом
меня увили полотном,
чело мне вкруг сковали златом,
парчу расшили серебром.

Приходят люди и лобзаньем
коснуться ищут ног моих.
Их внемлю шепот с воздыханьем,
их чую страх и трепет их.

Им надо чудо. Чудо было:
просветлена нетленьем плоть.
Благоговейте! с вами сила,
и в плоти отрока Господь!

II

Но я – один, о, я неживый!
Мне не подняться, не вздохнуть!
На мир их страшный и красивый
тяжелых вежд не разомкнуть!

Еще я помню – утро, землю,
мальчишек игры на дворе;
сквозь сон звон колокола внемлю
и шепот мамок о царе.

И он ко мне подходит тихо,
на ожерельице глядит.
Стучало сердце, чуя лихо...
Я злобно глянул, – он молчит.

И кровь застыла, ноги стали...
Был ужас, крик, и свет, и мгла,
кругом бежали и кричали.
Завеса красная легла.

И стало все вдруг сном, небывшим,
но явью стал далекий сон.
Так явно в отроке почившем
очнулся Вечный... Я ли Он?

III

Я – кроток, отрок умудренный,
но людям страшен, чудный – нем.
Сияньем смертным просветленный
им тайны Божьей не повею.

Они идут для чуда люди.
Глядят, дивятся. Плоть молчит.
Лежу, недвижимый в строгом чуде;
улыбку ясный лик хранит.

И бледный лик в лампадном свете
не скажет им о страшном дне:
в благоприятном Божьем лете
ответа не было и мне.

Но пусть встают и ходят, слышат
больные, видевшие плоть!
Чудотворящей силой дышит
в моих мощах для них Господь.

И чудо есть в них: в темной скрыне
живая рана точит кровь.
Но сам почиющий в святыне,
не чуда ль жизни жду я вновь?!.

Непобежденному могилой
дай и недвижность побороть,
Господь, животворящей силой
о воскреси святую плоть!

1905

Повесть

Кто ты и ты ль она? Не знаю.
Она – обман, она – туман.
Тебя своей не называю,
она – жилища дальних стран.
Твои опущены ресницы,
не как у ней твоя коса,
ты часто бредишь про леса,
о ней в лесах щебечут птицы.
Она все видит глубоко,
смотреть в глаза мне не стыдится,
с тобой поется мне легко,
она мне часто, часто снится...

1903

Утро

I

Робкая лилея
над водой дрожит,
ветер веет, млея,
тихий звон бежит.

Воздух – тих, незноен,
венчик твой душист,
сон твой так спокоен
и восход так чист!

II

Солнце встало ясно,
сыплются лучи, —
так тепло, прекрасно!
Сны не горячи.

Спи! Ты – вновь прелестней,
на тебя гляжу,

друга тихой песней
я ли разбужу?

1902

Весной

Я не боюсь любви весною —
и о пощаде не молю.
Кого люблю, тот не со мною,
но мне ль скрывать, что я люблю.
И пусть весной к мечте запретной
глядят мучительные сны,
во мне любовью беззаветной
и жизнь и смерть примирены.
Перед весной не лицемерю,
о том, что было не грущу,
я снам мучительным не верю
и то, что будет — все прощу.

1903

В мае

Мне весною думать нет времени,
чуя жизни трепет согласный,
опьянен пахучестью зелени,
я живу мечтою неясной.
То смотрю на небо спокойное,
то на тополь в светлых сережках,
верю в солнце кротко-незнойное,
в дрожь теней на влажных дорожках.
Вот походкой медленной, пьяною,
ты пройдешь в саду незаметно,
от тебя черемухой пряною
и весной пахнет беззаветно.

1903

В Троицын день они гуляли.
На всех были платья, розовые.
Все весело в лес бежали,
ломали ветки березовые
и сними в церкви стояли.

После обедни все смеялись.
Болтал диакон с моельницами,
и выйдя, все улыбались
высокому солнцу над мельницами..
В Троицын день они целовались.

1903

Я шел с нею рядом,
на ней был светлый наряд.
С ея смешливым взглядом
встречался не раз мой взгляд.

Под солнцем дрожали дали.
Мы шли зеленым овсом.
В тот день мы друг другу всего не сказали,
мы просто болтали о том и о сем.

Собака вперед забежала.
Все были от нас далеки,
даже тетка и та отставала:
она собирала в тот день васильки.

1903

Осень

I

В эти дни всюду сонная тишь,
словно ты не глядишь.
Я хожу и топчу золотую листву,
в эти дни не тебя ль я зову?
Я березкам сказал, что тебя я простил:
я не мог не простить – я любил.
Но березки молчат, всюду тишь...
Отчего – ты молчишь?

II

Тихо стали осенние дни,
холоднее туман по утру,
и горят уж по избам огни
каждый день ввечеру.

А в лесу от березок бело:
вся у ног золотая листва.
Стало пусто, просторно, светло,

в паутинах трава.

По дороге пойдешь – тишина.
Даже галки – и те не кричат,
и в платке, но все также одна —
ты прошла нынче в сад.

1903

Вечера

I

Сидишь ты, смирная,
у своего окна;
работа спорится медленно,
и в доме – тишина.

Я жду. Все ниже клонится
передо мной волос пробор,
и грустно мне: мне хочется
смотреть в любимый взор.

А говорить нам не о чем:
все сказано давно...

Заря морозная, вечерняя,
окрасила окно.

II

Час еще не поздний:
не горят огни.
Вечер стал морозней,
мы – одни.

Помолчим сегодня:
колокольный звон
что – мечта Господня,
что – твой сон.

III

Время близится вечернее,
смолк уныло дальний звон,
стали люди суевернее:
не далек желанный сон.
Сердце – тихо, немятежное:
все сбылось, чем жизнь ясна.
Что же медлит неизбежное?
Ночь и с звездами темна.

1903

Ты лежала вся дымкой увитая,
ты была так чужда, далека.
Возле гроба, – глаzetом обитая,
нас пугала немая доска.
Мы слова повторяли обычные
и все ждали обедни конца,
были страшны черты, непривычные,
дорогого когда-то лица.
Вспоминалися дни благодатные,
вспоминалась весна и цветы,
все цветы на лугах ароматные,
под душистой акацией ты!

1903

Шарманка

Был праздник. Ушла со двора гувернантка.
Был тихий вечерний, задумчивый час.
На улице пела тоскливо шарманка,
Все было и нынче, как было не раз.

Две сестры примеряли пред зеркалом шляпы.
Качался на шляпках назойливо мак.
Задремал их братишка на стуле у папы.
Стучали часы одиноко тик-так.

В гостиной блестели старинные рамы.
Был траурным крепом затянут портрет,
улыбалось лицо в нем румяное мамы.
От окон блестел навощенный паркет.

И пела по-прежнему где-то шарманка,
скрипела на кухне несносная дверь.
Были счастливы дети... Ушла гувернантка...
Было завтра, вчера и теперь...

Сказка про белого бычка

У старухи все одно,
все жужжит веретено.
Песнь уныла, и скучна,
бесконечно нить длинна.

Развивается клубок:
вот геройство, вот порок;
стар – жених, она – юна,
хил – отец, семья – бедна.

Вот цари и короли
делят жребии земли,
разгорается война,
хлещет алая волна...

И опять – любовь, порок,
затемняется поток,
и угрюма и страшна
вековая тишина.

А над нею все одно,
все жужжит веретено.
Песнь уныла, и скучна,
бесконечно нить длинна.

Развивается клубок:
вот геройство, вот порок;
стар – жених, она – юна,
хил – старик, семья – бедна...

et cetera in perpetuum.

1903

Баллады

Он

Мне снятся вечерние свечи,
она на коленях моих
лепечет мне быстрые речи,
лепечет о снах молодых.

Ей снились белые кони,
все белые кони в полях,
серебряных всадников брони
сверкали на белых конях.

Дрожала земля под конями
и капала пена с удил.
Он, светлый, звеня стремями,
копье перед ней опустил.

Ей снились белые кони,
все белые кони в полях,
серебряных всадников брони
сверкали на белых конях...

Не спи! но спящих не буди!
Заутра выйди на крыльцо,
надень венчальное кольцо,
и обратив к заре лицо,
молись и жди!

И вот с востока на заре
промашут огненные птицы;
мелькнут заветные станицы,
зардятся копыя на горе.

И он, – веселый и победный,
в передрагссветной тишине,
от вражых ран – смертельно-бледный,
проскачет мимо на коне.

1903

Данте

Я – целомудрен, чист и свят,
и свято имя – голубицы,
моей возлюбленной юницы,
мои напевы сохранят.

Я ей пророческими снами
исполнил девственную грудь
и непорочными мечтами
усеял в небе светлый путь.

Не ярче ль звезд её порфира,
на кудрях царственных венец?!
О, не для суетного мира
ее воспел суровый жрец!

Красуйся чистая лилея!
Мой бескорыстен в песнях суд:
тебя века благоговя, —
Невестой рая нарекут!

1902

Подражание

Когда неведомый и сильный
Господь призвал меня на брань,
Он мне десницею обильной
дал знамя в трепетную длань.

На нем священные глаголы
Он кровью Сына начертал
и путь в немеркнущие долы
в греховной бездне указал.

И Он воззвал: «Мужайся, воин!
Моей победы близок час!
Блажен, кто знамени достоин,
блажен, в ком пыл Мой не угас»!

И в бой я ринулся кровавый,
но не в бою лицом к лицу
нанес десницей враг лукавый
удары Божьему бойцу.

Нет, с мыслью грешною без боя
я в сердце доступ дал врагу
и, поражен его мечтою,
пути Господнего бегу.

Рука держать святое знамя —
уж недостойна и слаба.
Задуй же, Сильный, жизни пламя
в груди неверного раба!

1901

Черные кони

Мчались мы на конях.
Ветер рвал и метал,
в конских гривах свистал,
заливался в безлюдных полях.

Но устали и взмылились кони.
Ты коня осадила, смеясь,
ты сказала мне: князь,
нам бояться ли рабской погони?

И над гривой коня,
вдруг нагнувшись проворно,
обернулась ко мне, охватила меня,
обожгла меня лаской огня,
отдалась мне добычей покорно...

И все стихло кругом,
Было все в тишине.
Не шуршала трава,
не стонала сова,
кто-то плакал... О ком?

Ты смеялась на черном коне!

Девочка

Говорили в столовой большие до ночи,
а девочка слушала сказки детей.
Разгорались детские очи,
о царевиче грезилось ей.
Ночью вышла одна она в поле,
побежала в таинственный лес,
было жутко за садом на воле,
но в лесу... Ах, в лесу было много чудес!
Там леший огни зажигал у дороги,
рассыпал на полянах росу,
улыбался над соснами месяц двурогий,
и все снился, ей снился царевич в лесу.
На болоте дрожали ветелки,
и были туманы – как скатерть длинны.
Говорили ей травы, что звездочку елки
хотят втихомолку украсть с вышины...

1905

В лесу

Edvard Grieg, op. 71 № 3

Я одна в лесу, одна,
в небе странная луна.
Кто там бродит, кто сидит,
кто смеется, кто кричит?

«Обернись-ка, посмотри!
Здесь нас три!
Как у первой зубы – сталь,
вся – печаль!

Горяча второй ладонь —
как огонь.
Третья ж белая нага
для врага».

«Ха-ха-ха! В нагое тело
старый черт впился умело!» —
«Ну скорей же!» – «Тише, бесы,
мы красоток под навесы!»

Я одна в лесу одна,
в небе странная луна...
Кто же длинный с бородой

встал над елью предо мной?..

1903

Козлик

Нынче утром я козлика долго искал:
козлик, мой беленький козлик, пропал!

А ночью горели костры на поляне,
месяц бледно светил,
и двигались люди в тумане;
там старец ножи над водою точил.
Два отрока рядом стояли;
они полотенце над камнем держали.
Все пели; и тихо и грозно их песня неслась.
Все пели о солнце, о жатвах, о бранях...
Вдруг нож засверкал и кровь пролилась,
и рдели капли на тканях.
Лежали все ниц. Старец кропил
нас теплою кровью с ветки сосновой.
Месяц бледно светил.
Занималась заря за дубровой...

Нынче утром я козлика долго искал:
козлик, мой беленький козлик, пропал!

Лебедь

Лебедь, лебедь белокрылый,
слышишь лебеди летят,
слышишь братьев клич унылый?
крылья в воздухе свистят.
Лебедь, лебедь белоснежный,
лебедь озером пленен
и тоскует лебедь нежный,
сном туманов окружен.
Лебедь, лебедь белокрылый,
заводь тихая страшна;
многих лебедей могилы
затаила глубина.
Собери, могучий, силы!
дни осенние летят.
Лебедь, лебедь белокрылый,
слышишь лебеди кричат...

1903

Тебя я песней укачаю,
тебя я сказкой усыплю,
я сказок много, много знаю
и песни тихие пою.

Я расскажу про берег чудный,
про золотые паруса;
там под волною изумрудной
кораллы, скалы и леса.

На берегу есть сад чудесный,
его цветы – как снег белы,
глубок лазурью свод небесный
и реки быстрые – светлы.

В саду высоко терем пышный,
царевны в тереме живут,
их песни рано утром слышны,
они о солнце речь ведут.

Кругом в лесах поют Жар-птицы,
горят их перья, что костры,
в лесах медведи и лисицы,
как овцы кроткие, добры.

Их гладят маленькие дети,
они послушны не за страх...
Но спи, дитя: – созвездий сети
уж ангел вывел в небесах...

1903

В роще

Мы под звездами в дубраве тихо ждали,
ждали приближения судьбы,
а над нами важно двигали, качали
ветви – темные дубы.

Там за черными стволами у могилы,
там, где корни мохом обросли,
там бродили, вея дивной смутой, силы,
силы тайные земли.

Там шептались, нежно жались, к травам травы
обвивались, обнимали свет,
свет рождался, и по всем листьям дубравы
пробуждался шум в ответ.

Мы склонялись, рвали травы, песни пели,
песни – Господину своему,
песни пели под напев лесной свирели,
знали ль, девушки, кому?

Бог рождался, Бог являлся нам под сенью
Дуба, – в росной ложнице земли.
Мы к Родительнице в рощу, мы к рожденью
Бога, – сестры, ночью шли.

Он родился, мы младенца повивали,
пеленали Бога в час родин
и до солнца колыбель его качали,
спал младенец – Господин.

1905

Замок

Екатерине Р.

Спешите, юные, спешите!
Царевна в замке ледяном.
Скорее двери отворите,
царевна близко за окном.

Вошли и ищут в коридорах,
к царевне в комнаты бегут,
То слышат голос, слышат шорох;
царевны нет! – ее зовут.

Бегут, блуждают в подземелье,
царевна здесь! – Она в цепях.
В пыли находят ожерелье...
наверх бегут, их гонит страх.

Идут по залам, залы – пусты.
Взирают, молча, в зеркала.
На шум шагов, как стон стоустый,
им молвят своды: умерла!

Но им не верят, ищут, бродят.
Царевны нет! – года бегут...
И вот как тени в замке ходят.

Царевны старцы не найдут.

И слышен плач их: отворите,
одни мы в замке ледяном!
Спешите, старые, спешите,
царевна близко за окном!

1905

Бунты

Князь Мира

Мне мой отец, отец лукавый,
сулил не раз свои миры
и открывал своей державы
неисчислимы дары.

Мне рассыпал земли богатства,
весь блеск металлов и камней,
сулил мне мир в довольстве братства,
покой размеренных полей.

Мне обещал царя корону,
покорства трепетную лесть;
я зрел князей, спешащих к трону, —
мне ликованья дань принести.

И обнажал пиров забавы,
объятыя жгучих, юных тел,
и соблазнял напевом славы,
и рисовал певца удел.

Но сын отверг отца соблазны,

да буду равен я отцу!
Пути отца и сына разны,
но все к единому концу.

И я себе в туманной дали
прозрел таинственную власть:
венок терзаний и печали —
мои в ней слава, право, страсть.

Его я выбрал, и ни лира,
ни меч, ни разум, ни багрец
так не пленят мне властно мира,
как мой мистический венец.

К нему несметными толпами
всех стран народы притекут
и перед всеми божествами
его над миром вознесут...

Мудрость

Я понял все, я все узнал,
но малым детям не скажу.
Над чем от юности гадал,
тем резвость юных пощажу.

Вот соберу детей как прежде,
пусть водят светлый хоровод!
Сам стану песни петь надежде,
развеселю старинный свод.

Я подойду к юнице с лаской,
глаза ей тихо завяжу;
дитя – забавив детской сказкой —
на камень белый положу.

Ее раздену осторожно,
ей поцелую лик шутя;
я – старый жрец, мне это можно,
она же – девочка, дитя.

Другим скажу: теперь бегите!
И пойте, дети, веселей!
Назад, на деда, не глядите,
сестра вас встретит у дверей...

И утрашусь ли жертвы малой?
Не долго стану целовать,
но сладко будет в крови алой
мне руки старые купать.

1904

Я человечество люблю.
Кого люблю, того гублю.
Я – дух чумы смердяще-гнойной,
я братьев ядом напою
и лихорадку страсти знойной
в их жилы темные волюю.

Я ненавижу одиноких.
Глубин заоблачно-высоких
мне недоступна тишина
и мудрецов голубооких
святая радость не нужна
для мыслей черных и жестоких.

Но будет день, – преступный миг:
я подыму в них гордый крик,
я заражу их диким бредом,
и буду грозен и велик,
когда ни мне, ни им неведом
в них исказится Бога лик...

1903

I

Иду по улицам шумящим,
встречаю сумрачные взгляды,
наперекор любви просящим
свершаю темные обряды.

О, я – жестокий и беспечный,
для них не ведаю пощады!
О, в этой жизни скоротечной
иной исполнен я отрады.

Они идут, проходят мимо,
встает как пыль их вереница:
влачатся долго, нестерпимо
однообразные их лица.

К чему их столько?! – все как тени,
их речь – не речь, пустое эхо.
В глазах ни света, ни падений,
ни зла, ни гордости, ни смеха.

Вас проклиная! Вам – забвенье!
Моей любви теням не надо,
вам серый хаос, вам – презренье!
Вас ненавижу мне отрада.

II

Иду к другим, зову других,
зову отъявленно-преступных,
всех неге мирной недоступных,
бесстыдно-смелых и нагих!

Зову в провалы и подвалы,
в притоны тайные игры,
к пирам в кощунственные залы,
где ждут их пьяные костры.

Хочу в порывах исступлений,
в безумстве плясок, мигов, смен,
в чаду страстей, в бреде радений
сорвать запретов тесный плен.

Хочу, чтоб вспыхнули как пламя
они – свободные мечтой,
да будет свет их – миру зная
ненасытимости людской!

Ко мне, ко мне, со мной в утеху,
в позор блистающим богам,
навстречу зною, злобе, смеху —
со мной к неистовым кострам!

III

Но сам с толпою мутно-пьяной,
пойду ль к дымящимся кострам?!
Нет, в час их жертвы, в час багряный,
себя им в жертву не отдам.
Не буду с ними в вихре дымном,
иной забавы захочу!
Меня да встретят светлым гимном
и да, поверят палачу!

Не отступлю пред старой ложью,
стопою легкой к ним сойду.
Заворожу их тихой дрожью,
с них глаз любовных не сведу.

А в час, когда безмерность муки
подымет в них проклятья крик,
я протяну к ним с лаской руки,
я покажу им новый лик.

Приникну с тихим поцелуем
к устам их, дрогнувшим в огнях,
мечту последнюю скажу им,
и загашу последний страх.

Скажу им – злобным – на исходе

про мир в обителях Отца,
скажу о радости в свободе,
о милосерды без конца...

1905

Гимны огню

I

Пламя девственно-святое,
свет живительный земли,
звезды в благостном покое
нас от скорби не спасли.
Ты же, грозный, непорочный
разбуди свои огни!
Оробелых в час урочный
знойной лаской обмани!
Будет праздник: мы несмело
подойдем к святым кострам,
отдадим нагое тело
знойно-лижущим огням.
Как невеста молодая
ступим трепетно на них...
Ты, мучительно лобзая,
наш ликующий жених!
Нам спалишь лицо и руки,
обожжешь нам жадно грудь —
и откроешь в недрах муки
светозарной смерти путь!

II

Гори, гори, огонь священный!
Сыны забытые земли,
тебя с молитвою смиренной
в глухую полночь мы зажгли!
Согнал нас ветер с гор в пустыни,
от звезд не знали мы тепла,
и жизнь без таинств и святыни
в заботах мелочных текла.
Но был нам миг: среди видений
забыв заветы страшных слов,
на сладость гордую падений
мы променяли мир богов.
Переступили мигот грани
и победили сны огнем...
К тебе за таинством сгораний,
все разрешающий, идем.
Ликуй, дерзай огонь надменный!
Могуч твой яростный язык!
Светися вещий, неизменный,
блаженства скорого тайник!

III

Жарче, жарче пламя злое!
В диком трепете твоём
мы блаженство неземное
смертной мукой познаем!
Мой жених огнём жестоким
сжег мой девственный венок
и таинственно-глубоким
зрела жизни я поток.
Сладострастными речами
он мой разум опьянил
и бесстыдными огнями
тело робкое обвил.
Я безвольно, я безгласно
отдалась яру страстей,
мне ль бороться своевластно
с блеском пышущих огней?!
Жарче, жарче! Страх откинем.
Пойте люди? Мы в огнях...
Быстро, быстро с гимном сгинем
на ликующих кострах!..

1903

Гимн

О пойте, пойте гимн страданию,
слагайте песнь его огню!
От испытанья к упованию,

от упования к ликованью —
наш путь к сияющему дню!

За счастьем жалким, счастьем дольным
мы раболепно не пошли,
не сном плененные крамольным,
от мук невольных к мукам вольным
свою святыню понесли!

Нет, выше мира, мира тленья —
мир исступленья, мир мечты.
В огне ступени искупленья
и от паденья до спасенья
все звенья пламенем чисты!

О пойте, пойте гимн страданию,
пути так близки наяву!
От испытанья к упованию,
от упования к ликованию,
от ликования к божеству!

Пляски

Мы пляшем, пляшем, пляшем,
несемся с гиком по холмам,
пред богом плясок в круге нашем
пусть плоть покорствуе кругам!

Дана нам радость в сочетаньи,
в сплетеньи тесном в сгибах тел;
священно голых ног мельканье,
блажен, кто в плясках быстр и смел!

Бегите, братья, шибче, девы!
Пусть ходит ветер от рубах.
От Бога – буйные запевы,
и Бог наш юный – чист и наг!

Ему не надо лжи и сказок,
пред ним быть вольно без личин,
пред Богом хмеля, Богом плясок
мы все в сплетеньях как один!

Быстрее и шибче до забвенья!
Растут желанья, резвость ног...
До исступленья, до паденья
нам заповедал пляски Бог!

Созерцания

Ольха

Стоит в лесу угрюмая,
безмолвная ольха.
Над нею, – словно думая,
ночь белая тиха.
Кругом сосна корявая,
под мохом кочки пней,
вода в болоте ржавая,
ольха склонилась к ней.
Там корни влажной глиною
питаются на дне,
опутанные тиной,
трудятся в тишине.
Заклятьями глубокими
сплетенные с землей,
питают жизни соками
ольху с ее листвой.
Но скрыт игрой блестящею
их девственный тайник;
перед ольхой дрожащею
родной лишь явлен лик.

Сонеты

I

Ты помнишь? – мы гимны Варуне слагали,
им вторили тихого Ганга струи,
и рощи и доли тем песням внимали,
и звезды, в волнах зажигая огни.

Мы были как боги, не знали печали,
но слезы восторга невольно текли:
те слезы мы в волны с молитвой роняли,
и волны их к лону морскому несли...

Ты помнишь, как лотосам стройным и нежным
о счастье людей и богов безмятежном
шептала чуть слышно, ласкаясь, река.

И лотос дрожал в упоении блаженном,
а в воздухе мерно с напевом священным
сливался молитвенный шум тростника?

II

Ты помнишь? – в стране пирамид раскаленной,
где с негой роскошною царственный Нил
лобзает и лижет волной полусонной
гранит многовечный безмолвных могил,

там, помнишь, Изидою жрец вдохновленный
молиться таинственно в храм уходил,
и падали ниц мы толпою смущенной
на камни в дыму благовонных кадил?

Под скорбные песни молитв покаянных
тонули мы в грезах туманных и странных,
но видеть не смели богини лица.

И сфинксы загадочно в волны глядели,
а волны струились к неведомой цели
и страхом сжимались людские сердца.

III

Ты помнишь ли берег Эллады счастливой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.